

Над темой номера
работала

Объективные и воспринимаемые последствия иммиграции^[1]

Ирина
ЦАПЕНКО^[2]

Кто едет в развитые страны

Как показывают опросы, среди местных жителей западных и переходных стран широко распространено мнение о том, что иммиграция негативно влияет на экономику, повышает напряженность на рынке труда, увеличивает нагрузку на сферу социальных услуг, ухудшает криминогенную обстановку и др. Эти тревоги заметно усиливаются в условиях современного миграционного кризиса в Европе. В то же время, несмотря на массовый приток иностранцев, удовлетворенность жизнью населения принимающих стран продолжает оставаться высокой. Напрашиваются естественные вопросы: как сказывается иммиграция на благополучии коренных жителей, как она отражается в их массовом сознании, как соотносятся ее объективные и воспринимаемые последствия?

Как свидетельствует статистика последних десятилетий, международная миграция населения - масштабный и интенсивно развивающийся процесс. Согласно данным ООН, в 2013 году мировая численность международных мигрантов, то есть лиц, родившихся за пределами страны проживания (население иностранного происхождения), достигла 231,5 млн. В более развитых регионах мира (страны Запада и страны с переходной экономикой) приезжие насчитывали 135,6 млн., составляя почти 9-ю часть населения этих территорий. При этом в Швейцарии, Австралии, Новой Зеландии и Канаде их доля превышала 20%, а в Люксембурге составляла более 40%. С учетом же потомков мигрантов в первом поколении, родившихся в стране иммиграции, этот показатель увеличивается в полтора-два раза. Доля лиц с иностранными корнями приближается к половине населения Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии, а в Люксембурге насчитывает свыше 60% жителей (табл. 1).

Таблица 1. Доля лиц с иностранными корнями в населении западных стран,
2013 год, %

	Лица, родившиеся за границей	Лица, родившиеся за границей, и их потомки в первом поколении, родившиеся в стране иммиграции
ОЭСР (30)	10,58	18,44
ЕС (26)	9,86	15,88
Люксембург	43,3	60,7
Австралия	25,67	46,21
Новая Зеландия	25,27	44,87
Швейцария	28,78	43,28
Канада	20,90	38,50

	Лица, родившиеся за границей	Лица, родившиеся за границей, и их потомки в первом поколении, родившиеся в стране иммиграции
Бельгия	16,80	31,14
Швеция	15,65	27,75
Австрия	15,52	27,08
Франция	11,72	26,30
США	13,21	24,36
Норвегия	13,79	20,86
Германия	13,33	19,95
Нидерланды	10,66	19,75
Великобритания	12,39	19,19
Испания	12,13	16,38
Ирландия	14,04	16,30
Дания	7,56	14,41
Италия	8,45	9,40
Португалия	7,00	8,30
Финляндия	4,93	7,65
Греция	5,01	6,60

Источник: Indicators of immigrant integration 2015: Settling in. P., OECD, 2015. P. 17.

При этом в указанной группе отмечалось замедление среднегодовых темпов прироста численности мигрантов: с 2,3% в 2000-е годы до 1,5 в 2010-2013 годы. Данное обстоятельство объясняется в первую очередь последствиями глобальной рецессии, вызвавшей масштабное падение спроса на приезжих работников, особенно в таких отраслях их традиционной концентрации, как строительство, торговля, гостиничный и ресторанный бизнес, которые весьма чувствительны к колебаниям конъюнктуры, и особенно сильно ударившей по трудовой миграции. Кроме того, в начале тысячелетия в мире отмечалось постепенное затухание части очагов беженства, что сказалось в сокращении численности этой категории вынужденных мигрантов в северных регионах, среднегодовые темпы которого составили 4,2% в нулевые годы и 0,9% в 2010-2013 годы[3].

Вместе с тем в самые ближайшие годы следует вновь ожидать заметной интенсификации перемещений населения. Военные конфликты в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, рост радикального исламизма и общее экономическое и социальное неблагополучие в этих регионах вызвали в середине второго десятилетия этого века резкий рост вынужденной и нелегальной миграции оттуда в страны Евросоюза. Вследствие этих процессов Европу охватил острейший миграционный кризис – крупнейший со времен Второй мировой войны. По данным Евростата, с 2010 по 2014 год число лиц, ищущих убежища в ЕС, возросло почти в 2,5 раза. А согласно предварительным данным этой организации, общее число поданных в 2015 году прошений превысило 1 млн. и уже превзошло максимальную отметку последних десятилетий (672 тыс. в 1992 году)[4].

Однако, по мнению министра иностранных дел и торговли Венгрии П. Сийярто, «было бы самообманом называть эту ситуацию миграционным кризисом; это массовая неиссякаемая миграция народов»[5]. Как полагает министр, в ближайшие годы в Европу могут прибыть 30–35 миллионов мигрантов, а это уже превысит масштабы вынужденных перемещений 40-х годов, в

которые было вовлечено порядка 10-20 млн. человек. Хотя подобный сценарий представляется маловероятным, очевидно, что продолжение притока лиц, ищущих убежища, а также цепное следование за ними в ближайшем будущем потоков воссоединяющихся членов семей и других категорий населения ускорит динамику численности приезжих.

Согласно предварительным данным ОЭСР, еще в 2014 году, впервые со времен глобальной рецессии, произошел заметный (на 6%) рост иммиграции на постоянное местожительство в страны ОЭСР, масштабы которой теперь почти достигли уровня предкризисного 2007 года[6]. Одним из главных факторов, сгенерировавших это увеличение, было резкое расширение гуманитарных потоков в ЕС. Кроме того постепенное возобновление экономического роста в большинстве более развитых стран побуждает активизацию свободных передвижений населения на территории Евросоюза, а также расширение приема временных иностранных работников из третьих стран.

Миграционные потоки в развитые регионы традиционно отличаются повышенной концентрацией лиц активного трудоспособного возраста[7], что указывает на важную роль этих потоков в поставке трудовых ресурсов – даже в периоды рецессий. Причем данная особенность возрастной структуры характерна не только для трудовых, но и гуманитарных категорий иностранного населения, которые также рассматриваются как потенциальный трудовой актив принимающих обществ. По данным Евростата, четверть лиц, подавших в 2014 году прошение о предоставлении убежища в странах Союза, – моложе 17 лет, еще более половины таких вынужденных мигрантов приходится на долю возрастной группы 18-34 лет, в составе которой мужчины составляют около 80%[8].

Однако рестриктивный характер современной иммиграционной политики не только сохраняется, но и нередко даже усиливается. В наибольшей мере ограничения затрагивают потоки малоквалифицированных работников. В сочетании с возросшей селективностью иммиграционных мер в пользу востребованных высококвалифицированных специалистов это сказывается в кардинально различной динамике соответствующих групп населения иностранного происхождения. За 2000-е годы в странах ОЭСР прирост численности мигрантов с высоким уровнем образования составил 70%[9], с низким – 10%[10].

В результате в ЕС удельный вес групп с образованием третьей ступени в общей массе мигрантов 15-74 лет увеличился с 23,1% в 2004 году до 27,4% в 2013 году и теперь превосходит аналогичный показатель среди коренного населения (24%)[11]. Особенно высоких значений доля высокообразованных мигрантов достигает в Канаде – 52%, Ирландии – 47, Великобритании – 46, Болгарии – 42, Новой Зеландии – 39 и Австралии – 38%, превосходя на 10-20 порядковых пунктов аналогичный показатель среди местного населения[12].

Весомая доля приезжих с образованием третьей ступени, являющихся носителями инновационных человеческих ресурсов и наиболее быстро интегрируемых в принимающие общества, составляет главный актив иммиграции. Показательно, что в 2013 году в странах ОЭСР доля занятых среди них составляла 77%, что было заметно выше, чем среди других категорий мигрантов. Вместе с тем уровень занятости приезжих специалистов остаётся более низким, чем местных (84%). Кроме того, 30% таких мигрантов работают на должностях ниже уровня квалификации, что в 1,5 раза выше, чем у аналогичной группы местных работников[13]. Это свидетельствует о существенном недоиспользовании человеческого капитала, который потенциально мог бы приносить ещё большую социально-экономическую отдачу. Кроме того, конкуренция более образованных мигрантов в низших сегментах рынка труда усугубляет там и без того сложную ситуацию.

В то же время за 2004–2013 годы в ЕС доля иммигрантов, не имеющих полного среднего образования, понизилась с 40,2 до 36,8%, тем не менее она пока остаётся существенно бо́льшей, чем среди местных жителей (29,5%)[14]. Многочисленность этой категории является главным источником социальных проблем иммиграции в принимающих странах.

Как известно, малообразованные мигранты сталкиваются с наибольшими сложностями трудоустройства. Уровень занятости среди них составлял в 2013 году в ОЭСР всего 54%, свидетельствуя об избыточности этой категории рабочей силы. Во многом данное обстоятельство объясняется тем, что значительная часть таких иностранцев прибывает по каналам семейной и гуманитарной иммиграции, не обусловленной потребностями рынка труда. От 61 до 81% жителей иностранного происхождения, постоянно проживавших в 2008 году в Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Швеции, были приняты туда в качестве воссоединяющихся взрослых членов семей или беженцев[15].

Роль таких каналов в структуре постоянной иммиграции увеличивается[16], особенно на фоне обострения миграционного кризиса в Европе. Ситуация усугубляется еще худшими, нежели в среднем по населению иностранного происхождения, показателями образования вынужденных мигрантов. Среди лиц, прибывших в Германию в 2014 году в поисках убежища, только 15% имели третичное образование, 16% – полное среднее, 35% – основное среднее, 24% – начальное, а 11% вообще никогда не посещали школу[17]. Гораздо худшие шансы найти работу у вынужденных мигрантов, равно как и воссоединяющихся членов семей, особенно у женщин, по сравнению с трудовыми мигрантами (меньше на 13-18 п.п.[18]), обуславливают необходимость специальных государственных программ и, соответственно, расходов по социальной поддержке таких приезжих.

Увеличение численности малообразованных когорт рабочей силы в результате происходящего в последние годы массового притока лиц, ищущих убежища, скажется в обострении конкуренции в соответствующем сегменте рынка труда и давлении на занятость и заработки местных работников аналогичной квалификации. По оценкам ОЭСР, в Европейской экономической зоне и Швейцарии в результате современного приема вынужденных мигрантов на рынок труда выйдет дополнительно около 1 млн. человек, что составит 0,4% рабочей силы региона, в том числе 1% – в Германии[19].

Особую остроту социальным проблемам придаёт инокультурный характер современной иммиграции. С 1990 по 2013 год 78% прироста численности приезжих в северных регионах приходилось на выходцев из южных регионов, и доля последних среди населения иностранного происхождения в более развитых странах сейчас составляет около 60%, превышая 80% в США и Канаде[20]. Доминирование представителей иных цивилизационных принадлежностей среди мигрантов порождает этнокультурные и этноконфессиональные риски для принимающих обществ, угрожающие, по мнению некоторых экспертов, призраками превращения США в «Мексифорнию», а Европы – в «Еврабию».

В США, где большинство населения иностранного происхождения приходится на долю уроженцев Латинской Америки, в основном Мексики, сформировалось весьма многочисленное сообщество «хиспэникс» (Hispanics), или «латинос» (Latinos), объединяемых общностью испанского языка, латиноамериканских корней и культуры. Численность испаноязычного меньшинства, составлявшего в 1970 году всего 9 млн. (5%) населения Америки, в 2013 году насчитывала 54 млн. (17%), уступая лишь белому большинству. А в 2050 году, согласно прогнозу Бюро переписи населения США, она достигнет 105 млн. (26,5%), делая американскому обществу серьезный вызов испанизации (рис. 1).

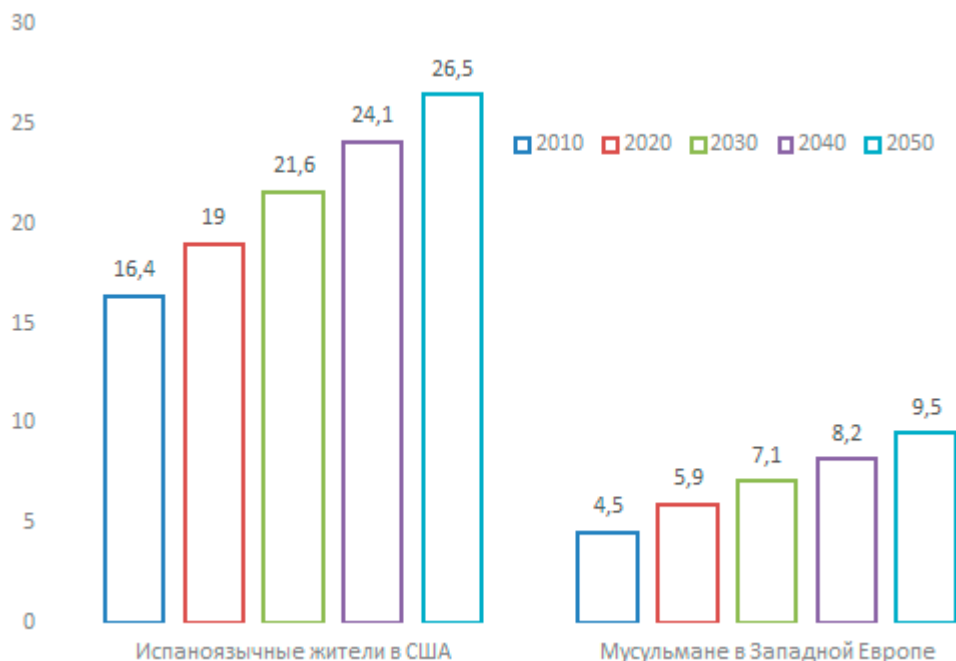

Рисунок 1. Прогноз доли инокультурных сообществ в населении США и Западной Европы, 2010-2050 годы, %

Составлено и рассчитано по: 2014 National Population Projections: Summary Tables. <http://www.census.gov/population/projections/data/national/2014/summarytables.html>;
The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050>

При этом уже в 2020 году население этой страны моложе 18 лет, а в 2044 году все население пересечет «этно-расовый перекресток», за которым белые англо-саксонские жители, составляющее основу американской нации, перестанут быть большинством, хотя и останутся самой крупной этнической группой.

Усиление демографической экспансии хиспэникс еще отчетливее проявляется на региональном и особенно локальном уровнях. Юго-западные штаты США, такие как Нью-Мексико (где доля латиносов достигала в 2011 году 47% населения), Техас и Калифорния (38%) превращаются в гигантский испаноязычный пояс, где часто даже дома говорят по-испански представители других этнорасовых групп. Уже сейчас в 13 из 60 крупнейших метрополисов доля испаноязычных жителей перевалила за половину, причем в 4 городах она приближается к 90% или уже преодолела эту отметку. Этот южный пояс расширяется на север, угрожая в будущем поглотить регионы традиционного проживания белого и афроамериканского населения, в том числе Нью-Йорк и Чикаго.

В Западной Европе, испытывающей со времен послевоенного импорта рабочей силы и распада колониальных империй массивную иммиграцию выходцев с исламского Востока, где на долю мусульман приходится более четверти всех мигрантов[21], сложились новые для прежде гомогенной структуры большинства принимающих государств этнически разнородные, но и имеющие единую религиозную – мусульманскую – референцию меньшинства. Особо крупные этно-конфессиональные общины созданы уроженцами стран Магриба во Франции, Турции – в Германии, Южной Азии – в Великобритании. Согласно данным исследовательского центра Pew, оценочная численность мусульман в Западной Европе возросла с менее чем 300 тыс. (ниже 0,1% населения региона) в 1950 году до 18 млн. (5%) в 2010 году, а в 2050 году превысит 39 млн. (9,5%) опережая

по динамике другие группы населения, в частности христиан[22] (рис. 1). Превращение ислама во вторую по числу приверженцев и набирающую все большее влияние на фоне слабеющего христианства религию Западной Европы создает серьезные угрозы исламизации региона. Уже в конце нулевых годов четверть и более жителей Марселя (35%), Амстердама, Бирмингема, Брюсселя и Роттердама составляли мусульмане, крупные общины которых образуют «параллельные миры», напоминающие исламские мини-государства, которые живут по законам шариата[23].

Современная волна вынужденной миграции в Европу, за которой последуют новые потоки, еще более ускорит динамику мусульманского населения в регионе, особенно в странах, притягивающих наиболее массовые контингенты лиц, ищущих убежища: Германии, Венгрии, Швеции, Франции, Италии, а также Австрии. Согласно статистике Евростата, подавляющее большинство беженцев происходит из исламских стран, в первую очередь Сирии, Афганистана, Ирака, Косово, Албании, Пакистана и Сомали. Особенно интенсивно пополняют мусульманские сообщества сирийцы и иракцы, среди которых доля получающих статус беженца или гуманитарный статус приближается к 90% или превышает эту отметку. (Хотя почти все прошения из стран Балканского полуострова, считающихся безопасными для жизни, отвергаются, и их податели подлежат возврату на родину, нахождение таких «ложных беженцев» на территории Европы на время рассмотрения прошений создает большую нагрузку на миграционные службы и системы размещения беженцев.)

Сложность интеграции таких мигрантов проистекает из существующей взаимосвязи между устойчивостью инокультурной (иной конфессиональной и лингвистической) составляющей их идентичности: традиционной резистентности мусульман ассимиляции и инерционности облика латинос[24], с одной стороны, и социально-экономическими факторами, с другой. Низкий уровень образования большей части выходцев из развивающихся стран[25], осложняющий овладение приезжими языком принимающего общества, препятствует не только их полноценной интеграции в сферу занятости, но и усвоению норм и ценностей этого социума. При ограниченной «переносимости» человеческого капитала, приобретенного мигрантами в стране происхождения, – тем меньшей, чем большей является социокультурная дистанция между странами происхождения и назначения приезжих, культурные различия, усугубляемые дискриминацией, превращаются в социальное неравенство. Так, в странах ЕС средний уровень безработицы среди мигрантов, достигавший в 2013 году 15,5%, в 1,5 раза превышал аналогичный показатель среди местных жителей[26]. В государствах ОЭСР доля работающих бедных (совокупный доход домохозяйства на 50% ниже медианного по стране проживания) среди мигрантов составляла 27%, что было в 2 раза выше, чем среди местных жителей[27]. Указанная специфика условий труда мигрантов сказывается в свою очередь на положении последних в системе бюджетных потоков в принимающих странах.

Объективное влияние иммиграции: рынок труда

Объективным социальным последствиям иммиграции посвящены многочисленные исследования за рубежом и в России. Подробно проанализировано воздействие иммиграции на такие объективные показатели благополучия местных жителей, как уровень их занятости/безработицы и заработной платы, а также на состояние сферы социальных услуг и выплат, динамику потребительских цен и жилищных условий.

Результаты этих исследований противоречивы. Эффекты иммиграции заметно варьируются в зависимости от конкретных направлений ее воздействия, сроков и территориального уровня проявления ее эффектов, экономического и социально-политического контекста иммиграции, от соотношения в составе приезжих гуманитарного и трудового, постоянного и временного, легального и нелегального потоков, от профессионально-квалификационных, возрастных, семейных, этнокультурных и прочих характеристик иммигрантов.

Тем не менее, обнаруживается, скорее, позитивный характер подобных эффектов. Он обусловлен благотворностью вклада иммиграции в народнохозяйственное развитие принимающих социумов.

Иммиграция фактически определяет демографическую динамику северных регионов. На долю нетто-миграции приходится свыше 80% прироста населения Евросоюза. При этом в 2003 и 2013 годах этот показатель достигал 95%. Даже в разгар экономического кризиса в 2009 году нетто-миграция, несмотря на ее заметное сокращение, продолжала обеспечивать большую часть (58%) демографического прироста ЕС. В Германии и Италии она полностью перекрывает естественную убыль населения[28].

Несмотря на произошедшее после кризиса сужение миграционных потоков в ОЭСР многолюдность последних и повышенная концентрация в них лиц активного трудоспособного возраста свидетельствуют об устойчивости потребностей в иностранной рабочей силе. Более того, хотя приезжие больше подвержены безработице, чем местные жители, в подавляющем большинстве развитых стран прослеживается тенденция к сохранению и росту доли иммигрантов среди занятых[29]. В 2014 году этот показатель превысил 20% в Ирландии, Канаде, Новой Зеландии и Австралии, достигнув 30% в Швейцарии и 52,9% в Швейцарии (табл. 2).

Таблица 2. Доля мигрантов в общей массе занятых, 2007-2014 годы, %

	2007	2011	2014
Люксембург	46,3	51,3	52,9
Швейцария	24,6	28,6	30,0
Австралия	25,8	27,9	29,0
Новая Зеландия	24,1	27,6	28,2
Канада	20,0	20,5	21,7
Ирландия	19,4	19,5	21,0
Австрия	15,7	16,5	17,8
США	16,8	16,9	17,8
Швеция	13,0	15,2	16,9
Великобритания	12,0	14,4	15,8
Германия	14,4	14,1	15,4
Испания	15,8	15,9	14,6
Бельгия	9,6	13,6	14,5
ОЭСР	12,0	13,4	14,0
Италия	9,0	12,0	13,4
Норвегия	8,3	11,2	13,3
Дания	8,2	10,2	11,6
Франция	10,5	11,5	11,1
Нидерланды	11,0	10,8	10,7
Португалия	8,3	9,5	9,8
Греция	8,8	10,4	9,5
Финляндия	3,1	4,1	5,3

Источник: International Migration Outlook: 2015 Edition. Op.cit. P. 101.

В некоторых случаях широкое использование дешевой иностранной, в первую очередь малоквалифицированной, рабочей силы может повлечь снижение капиталовооруженности труда, замедление роста его производительности и модернизации производства. А прирост ВВП, превосходящий благодаря включению в производство вновь прибывающих мигрантов, относительно невелик, составляя десятки доли процента. Однако в целом присутствие больших групп приезжего населения и рабочей силы заметно расширяет масштабы совокупного спроса и предложения и тем самым увеличивает масштабы экономики.

Даже в условиях нестабильной экономической конъюнктуры существуют острые структурные диспропорции на рынке труда, сохраняется высокий спрос на определенные категории иностранных работников со стороны целого ряда секторов, прежде всего НИОКР, образования, социальной работы и здравоохранения, а также пищевой промышленности и сельского хозяйства. Согласно данным Европейского обследования предприятий 2013 года, 40% европейских компаний отмечали трудности с наймом работников необходимой квалификации. Особенно резкие дисбалансы наблюдаются в сегментах рынка труда средней и высокой квалификации. Так, по данным обследования, проведенного совместно ОЭСР с Ассоциацией немецких торгово-промышленных палат в 2011 году, примерно половина немецких фирм указывала на нехватку кадров средней квалификации, 42% - высшей квалификации и только 20% - низшей[30]. Иммиграция выполняет важную роль в сглаживании остроты подобных проблем. В этом плане особенно показателен рост занятости мигрантов в ряде важных секторов экономики в годы недавнего глобального кризиса[31].

Кроме того, благодаря высокой территориальной и профессионально-отраслевой мобильности мигрантов повышается эластичность предложения рабочей силы и обеспечиваются ее переливы из районов и секторов с высоким уровнем напряженности на рынке труда в более благополучные. Подобное «смазывание колес рынка труда»[32] способствует не только сглаживанию дефицита определенных категорий рабочей силы, но и снижению естественного уровня безработицы. Как отмечает К. Циммерманн, «иммиграция повышает гибкость рынка труда и оказывает на него позитивное воздействие даже тогда, когда исходный уровень безработицы повышен»[33]. В условиях недавнего кризиса без использования труда мигрантов в секторах и районах со структурно несбалансированным рынком труда потери в занятости и в ВВП, вероятно, были бы еще больше.

Приток иностранных студентов, высококвалифицированных специалистов, в том числе ученых и инженеров, а также венчурных предпринимателей усиливает научный и инновационный потенциал принимающих государств. Показательно, что доля иммигрантов среди нобелевских лауреатов за 1906-2010 годы достигает в США 32%, а в Германии – 17%[34]. В США в 2011 году иммигранты составляли 34,3% работников со степенью магистра и 43,2% со степенью PhD[35].

Как пишет Р. Флорида, «куда бы не направлялись таланты, за ними непременно последуют инновации, креативность и экономический рост»[36]. Кроме того, разнообразие культурных корней научно-технических работников дает мощный синергетический импульс НИОКР. Известный американский критик иммиграции Дж. Борджас, отмечая, что приезд в США иностранных ученых (в частности советских математиков) может сказываться в снижении заработной платы и публикационной активности менее конкурентоспособных американских исследователей и некотором оттоке последних из соответствующего сектора науки[37], не ставит под сомнение экономическую благотворность интеллектуальной иммиграции. Более того, как свидетельствует целый ряд других исследований, ее возможные издержки перекрываются общим ростом численности научно-технических специалистов и повышением их продуктивности. Так, увеличение доли каждой из трех групп иммигрантов: выпускников колледжей, выпускников университетов, ученых и инженеров среди населения на 1 п.п. повышает число выданных патентов на душу населения на 6,1%, 12,2% и 19,5% соответственно. С учетом эффектов перелива и более широкого распространения инноваций в экономике подобные эффекты могут увеличиваться в 2,5 раза[38]. Рост доли иностранных специалистов в области естественных и технических наук в общей

численности занятых на 1 п.п. приводит к ежегодному росту совокупной факторной производительности на 0,44 п.п. (объясняя 30-50% роста последней), повышает реальную заработную плату выпускников колледжей на 7-8 п.п., остальных занятых на 3-4 п.п. [39]

Разумеется, экономические эффекты иммиграции далеко не исчерпываются выше описанными, однако последние наиболее значимы с точки зрения ее воздействия на занятость и доходы местного населения. Шоки предложения труда, вызываемые иммиграцией, особенно в регионах концентрации малоквалифицированных работников и в условиях спада экономики, могут оказывать негативное краткосрочное, порой и среднесрочное влияние на рынок труда. В долгосрочном плане по мере адаптации производства к изменениям в численности и составе рабочей силы, роста инвестиций, выпуска и спроса на труд, как правило, выигрывают все работники, или, по крайней мере, их значительная часть.

Исследование Дж. Борджаса, проведенное на материале США за 1990-2010 годы, показывает, что в краткосрочном плане влияние иммиграции на заработки негативно. В долгосрочном плане от легальной иммиграции выигрывают работники с низким и средним уровнем образования, включая ранее прибывших мигрантов, а от общего притока иностранцев, сопровождающегося расширением предложения недокументированных работников в малоквалифицированном сегменте рынка труда, – только работники со средним уровнем образования (табл. 3). При этом Дж. Борджас подчеркивает малые масштабы подобных эффектов, а также зависимость их оценок от допущений об эластичности замещения местных работников приезжими.

Таблица 3. Влияние фактической иммиграции на средние заработки населения с разным уровнем образования в США, 1990-2010 гг., %

	Увеличение предложения рабочей силы	Краткосрочный эффект на заработки	Долгосрочный эффект на заработки
Только легальная иммиграция			
Незаконченное среднее общее	4,4	-1,7	0,7
Среднее общее	5,7	-1,9	0,4
Незаконченное среднее профессиональное	5,1	-1,8	0,6
Среднее профессиональное	9,8	-2,8	-0,4
Выше среднего профессионального	13,3	-3,5	-1,1
Все работники	8,0	-2,2	0,0
Вся иммиграция			
Незаконченное среднее общее	25,9	-6,2	-3,1
Среднее общее	8,4	-2,7	0,4
Незаконченное среднее профессиональное	6,1	-2,3	0,9
Среднее профессиональное	10,9	-3,2	-0,1
Выше среднего профессионального	15,0	-4,1	-0,9
Все работники	10,6	-3,2	0,0

Источник: Borjas G . Immigration and the American Worker. A Review of the Academic Literature. Center for Immigration Studies April 2013. P.11. <http://cis.org/sites/cis.org/files/borjas-economics.pdf>

Однако, по мере адаптации экономики к росту предложения рабочей силы, происходящему под влиянием притока приезжих, и интеграции последних, иммиграция благоприятствует созданию рабочих мест и повышению доходов коренных жителей. Согласно работам Ф. Докьера, К. Оздена, Дж. Пери, в 1990-2000-е годы долгосрочное воздействие иммиграции как на занятость, так и на заработки местных работников, включая малоквалифицированных, во всех странах ОЭСР было всегда позитивным, хотя и небольшим. В Канаде, США, Австралии, Великобритании, Швейцарии и Люксембурге, куда направлялись интенсивные миграционные потоки, позитивный эффект иммиграции на уровень средней заработной платы местных менее квалифицированных работников в 1990-е годы варьировался от 1 до 5%. Размер этого эффекта увеличивался по мере повышения доли высококвалифицированных работников среди мигрантов [40].

Долгосрочные позитивные последствия иммиграции для рынка труда тесно связаны с вызываемыми ей сдвигами в профессиональной структуре местных работников в сторону более производительных и более высокооплачиваемых занятий, повышением качества занятости коренных жителей. Приезжие, сталкивающиеся с большими сложностями на рынке труда, в том числе из-за низкой или неподходящей квалификации, заполняют рабочие места, характеризующиеся худшими условиями труда и его оплаты и зачастую не пользующиеся спросом у коренных жителей. Оккупируя такие ниши общественно необходимого труда и тем самым высвобождая, а порой и вытесняя из них местных работников, иммигранты невольно способствуют обозначенным сдвигам в профессиональной структуре последних. Так, иммигранты, прибывшие в 2000–2010 годах в европейские страны ОЭСР, заняли около половины открывшихся там в тот период вакансий в сфере малоквалифицированного труда, в том числе в Греции, Дании и Норвегии от 70 до 80%, а в Испании и Ирландии 90% и более. Как свидетельствует исследование ОЭСР, увеличение доли лиц, занявших вакансии в сфере малоквалифицированного труда, среди мигрантов, прибывших в 2000–2010 годы, напрямую коррелирует с увеличением доли работников, занявших позиции более высокого квалификационного уровня, среди коренных жителей, вступивших на рынок труда в эти годы (коэффициент корреляции 0,68) [41].

Подобные улучшения касаются и местных малоквалифицированных работников, которые под влиянием концентрации мигрантов в сфере физического труда смещаются к занятиям, требующим коммуникативных навыков и определённых когнитивных способностей, которые лучше оплачиваются [42]. Сходный, хотя и не столь выраженный, эффект имеет и специализация зарубежных высококвалифицированных работников на видах занятий, для выполнения которых необходимо применение знаний и навыков математических вычислений, работы с базами данных и т.п. Этот эффект проявляется в оттоке части местных специалистов из подобных занятий в профессии, требующие сочетания аналитических и интерактивных навыков и обычно выше вознаграждаемые (юристы, преподаватели, консультанты и т.п.) [43].

Кроме того, замещение местных работников мигрантами на рабочих местах, характеризующихся повышенным уровнем производственного травматизма, тяжестью физического труда, сменностью работы, распространением сверхурочных, снижает риски здоровью местных работников. В Германии, например, рост доли иммигрантов в населении на 1 п.п. вызывает сокращение на 16% числа обращений к врачу в связи с потерей трудоспособности, фиксируемое у местных «голубых воротничков» [44].

Фискальный эффект иммиграции

В оценках фискального эффекта иммиграции также существуют большие расхождения. На результатах подобных оценок в немалой мере сказываются различия в используемых исследовательских методиках. Важен перечень учитываемых статей бюджетных доходов от иммиграции: ограничивается он только прямыми доходами или же включает и косвенные. Это же касается и расходов: принимаются или нет во внимание затраты на национальную оборону, выплату процентов по государственному долгу, содержание городской инфраструктуры и обеспечение

других общественных благ. Учет или же игнорирование тех или иных бюджетных статей может принципиально изменить итоговую оценку финансовых потоков, связанных с иммиграцией.

Существенно также, какой подход применяется при подобных оценках. При статическом подходе делается единовременный срез взносов иммигрантов и выплат им. При динамическом подходе анализируются жизненный цикл мигрантов и межпоколенческие потоки. В макроэкономических моделях общего равновесия учитываются более широкие эффекты иммиграции на экономику. Наиболее позитивные оценки фискального эффекта дают межпоколенческие исследования, из которых следует, что потомки иммигрантов смогут облегчить бремя будущих пенсионных расходов принимающих обществ.

До последнего времени практически все исследования фискального эффекта проводились на материале какой-либо одной отдельно взятой страны, что затрудняло сопоставление результатов, полученных с применением разных методик. В исследовании ОЭСР, проведенном в 2007-2009 годах на материале предыдущих лет, осуществлена сравнительная статическая оценка фискального эффекта иммиграции в разных странах этой организации (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение бюджетных поступлений от иммигрантов и выплат им, 2007-2009 годы, % ВВП

	Без учета расходов, связанных с пребыванием в стране иммигрантов (образование, здравоохранение, содействие трудоустройству)	С учетом расходов связанных с пребыванием в стране иммигрантов (исключая расходы на оборону)
Бельгия	0,76	-0,43
Франция	-0,52	-0,84
Германия	-1,13	-2,32
Греция	0,98	..
Исландия	0,90	..
Ирландия	-0,23	-1,41
Италия	0,98	0,61
Люксембург	2,02	0,24
Португалия	0,52	0,13
Испания	0,54	-0,05
Швеция	0,20	-0,57
Швейцария	1,95	1,16
Великобритания	0,46	-0,26
США	0,03	-1,00
Все страны ОЭСР	0,30	-0,31

Источник: International migration outlook: 2013. P., OECD, 2013. P. 159

Как видно из табл. 4, при учете только взносов мигрантов в казну и выплат им фискальный эффект иммиграции позитивен. Однако, если принять во внимание расходы на общественные блага, связанные с пребыванием в стране иммигрантов, соответствующее сальдо становится негативным. При этом в обоих случаях подобный баланс, как правило, очень невелик. В первом случае он составляет всего 0,3% ВВП, варьируясь от отрицательных 1% в Германии и 0,5% во Франции до

положительных 2% ВВП в Швейцарии и Люксембурге. Во втором случае он составляет отрицательные 0,31%, колеблясь от отрицательных 2% в Германии до положительного 1% ВВП в Швейцарии. Однако даже когда на национальном уровне фискальный эффект иммиграции положителен, повышенная концентрация мигрантов в регионах может создавать нагрузку на местный бюджет.

В силу различий в уровне занятости и доходов мигрантов и местных жителей первые вносят в бюджет меньше чем последние. Большая чувствительность занятости и заработков мигрантов к движению экономического цикла сказывается и в большей подверженности их фискального эффекта влиянию конъюнктуры. Однако, как показывают модели жизненного цикла, вклад мигрантов в бюджет по мере их интеграции увеличивается, формируя положительный фискальный баланс у приезжающих молодыми.

Вследствие худшего материального положения приезжих, чем коренных жителей, в развитых и переходных странах ОЭСР в 2007-2009 годах среди первых доля получателей трансфертов для малоимущих была в 2 раза выше, чем среди последних, жилищных субсидий – в 1,5 раза, пособий по безработице – в 1,3 раза, а размеры таких выплат и льгот в расчёте на одно домохозяйство – больше на 66%, 50% и 11% соответственно [45]. Ввиду повышенной потребности приезжих в помощи государства людские передвижения в богатые страны нередко представляются как миграция с целью получения социальных пособий и, следовательно, как фактор нагнетания конкуренции в сфере социальных трансфертов.

В то же время среди мигрантов доля получающих пенсии по старости на 20% ниже, чем среди местных, а объём таких выплат на одно домохозяйство почти вдвое меньше [46]. Учитывая, что размеры пенсий по старости многократно, порой в десятки раз, превосходят другие социальные трансферты, гораздо меньший охват мигрантов пенсионным обеспечением зачастую компенсирует большие объёмы других видов предоставляемой им социальной помощи. Однако, если в структуре мигрантов велика доля лиц пожилого возраста, получающих пенсии, как например, в Германии и Франции, иммиграция создает финансовое бремя. Кроме того, иммигранты, приезжающие в возрасте старше 40-45 лет, продуцируют в течение жизненного цикла негативный фискальный эффект

Если временные трудовые, особенно высококвалифицированные мигранты вносят в казну принимающих обществ гораздо больше, чем последнее тратит на них, то наличие значительных групп гуманитарных мигрантов зачастую создает дополнительную нагрузку на бюджет. Подобная нагрузка может существенно возрасти в условиях современного миграционного кризиса. Государственные расходы, связанные с приемом и интеграцией в сферу занятости вновь прибывающих вынужденных мигрантов, составят в 2016 году 0,5% ВВП в Германии, 0,3 – в Австрии и 0,9% в Швеции. В то же время в краткосрочном плане эти дополнительные расходы могут способствовать росту совокупного спроса на величину, равную 0,1-0,2% ВВП [47]. Подобные расходы могут стать инвестициями, если они позволят приезжим найти рабочие места и начать платить в казну.

Приток иностранцев порой повышает цены на некоторые товары и услуги, пользующиеся у них спросом, в частности на жильё. Однако в макроэкономических масштабах прибытие новых когорт мигрантов оказывает общее дезинфляционное воздействие. Оно, как правило, тем сильнее, чем быстрее растёт доля иммигрантов в экономике, и обычно носит краткосрочный характер, ослабляясь по мере их интеграции. Подобный эффект производится преимущественно через механизм рынка труда путем воздействия на совокупный спрос, совокупное предложение, а также на ожидаемые издержки производства. Более того, при высоком уровне концентрации низкооплачиваемых работников иностранного происхождения в некоторых видах экономической деятельности происходит снижение цен на производимые мигрантами товары и услуги, в особенности трудоемкие, от чего выигрывает потребляющее их местное население [48].

Известно немало случаев, когда благодаря иммигрантам старые городские кварталы, пребывающие в упадке, превращаются в динамично развивающиеся, обогащаемые новыми формами культуры и общественной организации. Именно приезжие в значительной мере обеспечивают работу коммунальных служб и поддерживают чистоту в городах.

В то же время усиливающаяся концентрация мигрантов, особенно инокультурных, в бедных округах зачастую ухудшает условия проживания там местного населения, повышая уровень преступности, увеличивая нагрузку на социальную инфраструктуру и т.п. Это подтверждается существованием прямой связи между притоком мигрантов в те или иные районы и выездом оттуда местных жителей[49].

Современные потоки вынужденных и нелегальных мигрантов из исламских стран создают серьезные угрозы безопасности граждан европейских государств. На это в частности указывает заметный рост террористической активности радикальных мусульман, особенно во Франции, резкое ухудшение криминогенной обстановки, трагическим проявлением которого стали массовые акты насилия в отношении женщин со стороны приезжих с Востока в новогоднюю ночь 2016 года в Германии, Швейцарии и Финляндии. Закономерным следствием подобных процессов становится обострение этнокультурных антагонизмов и в целом социально-политической обстановки в европейских обществах. Рост недовольства местных жителей нашествием чужаков демонстрируют участвовавшие многотысячные марши **протеста** против исламизации Европы, активизация экстремистских действий против иммигрантов, укрепление позиций ксенофобских политических партий, в частности Национального Фронта на региональных выборах во Франции в декабре 2015 года (27% голосов), и т.п.

Вместе с тем негативный настрой местного населения в отношении приезжих осложняет их интеграцию, препятствует полноценному использованию их экономического потенциала и может усиливать негативные экономические экстерналии иммиграции, связанные с этно-конфессиональной фрагментацией и политической дестабилизацией принимающего общества.

Таким образом, иммиграция оказывает неодинаковое и неоднозначное воздействие на благополучие принимающих стран. Её долгосрочное социально-экономическое воздействие носит преимущественно позитивный характер. Очевидно, что контролируемая, легальная трудовая миграция, обусловленная потребностями экономики, – это важный ресурс развития принимающих обществ. В то же время массовый приток вынужденных и недокументированных мигрантов в Европу может в ближайшие годы негативно сказаться на условиях труда местных работников и существенно утяжелить финансовое бремя иммиграции, особенно учитывая нестабильность современной экономической конъюнктуры.

Этнокультурные эффекты иммиграции зачастую негативны, особенно в социально-политической сфере. Современный миграционный кризис, сопряженный с интенсивным притоком населения исламских стран в Европу, способен еще более усугубить напряженность и конфликтность межкультурных отношений в социумах этого региона.

Иммиграция и субъективное благополучие

В отличие от объективных условий труда и жизни, субъективное благополучие, по определению одного из авторов данного понятия известного психолога Э. Динера, – это зонтичное понятие, которое объединяет, во-первых, когнитивную оценку людьми своей жизни и ее условий (удовлетворенность жизнью, включая ее конкретные аспекты, и/или ее восприятие в целом как счастливой); во-вторых, эмоциональную оценку происходящего с ними (наличие/отсутствие хорошего настроения, ситуативного ощущения радости, счастья и т.п.)[50]

Хотя влияние иммиграции на субъективное благополучие пока мало изучено и по этой теме проведены лишь считанные исследования, их результаты перекликаются с результатами упоминавшихся выше работ, тем самым указывая на связь подобных объективных и субъективных процессов. То есть, поскольку условия жизни и труда коренных жителей являются факторами удовлетворённости жизнью и её восприятия как счастливой, влияние иммиграции на эти слагаемые объективного благополучия так или иначе преломляется в субъективном благополучии местного населения.

В исследовании А. Акая, А. Констант и К. Гильетти, осуществлённом на материале регионов Германии периода 1997–2007 годов, показан значимый, но не сильный позитивный эффект повышения доли иммигрантов в численности населения территорий на удовлетворённость жизнью местного населения[51]. Результаты В. Бетца и Н. Симпсон, полученные на материалах Европейского социального исследования (ЕСИ) по 26 странам за 2002–2010 годы, демонстрируют, что приток иностранцев оказывает небольшое позитивное статистически значимое и нелинейное воздействие на ощущение счастья и удовлетворенность жизнью местного населения[52].

Авторы обеих работ объясняют такое позитивное воздействие объективными эффектами, связанными с использованием иностранной рабочей силы и благотворно влияющими на положение местных работников, по крайней мере, их большинства. В соответствии с теорией социальных сравнений, подобное влияние на ощущение благополучия от происходящего, равно как и ожидаемого улучшения материальной обеспеченности и социального статуса этой части коренных жителей может усиливаться известным эффектом сопоставлений с худшим социальным положением и самочувствием остальных групп.

К числу менее благополучных групп относятся и мигранты, что фиксируется не только такими объективными показателями, как повышенный уровень безработицы и нестабильной занятости, пониженный уровень доходов, ограниченный доступ к социальным благам и услугам и т.п., но и субъективными индикаторами. На более низкий уровень удовлетворенности жизнью и ощущаемого счастья приезжих, в частности, указывают результаты ЕСИ (табл. 5).

Таблица 5. Субъективное благополучие местного и приезжего населения в некоторых странах Европы и оценки местным населением экономических и социокультурных последствий иммиграции, (баллы от 0 до 10), 2012 год

	Удовлетворенность жизнью ¹		Уровень счастья ¹		Влияние иммиграции в национальных масштабах ²		
	местные жители	приезжие	местные жители	приезжие	на условия жизни	на культуру	на экономику
Болгария	4,3	4,2	5,3	5,4	5,2	5,5	4,9
Великобритания	7,3	7,3	7,5	7,4	4,4	4,9	4,3
Германия	7,5	7,4	7,6	7,7	5,3	6,2	5,7
Дания	8,6	8,3	8,4	8,2	6,0	6,2	5,0
Ирландия	6,7	6,7	7,1	7,1	5,1	5,2	4,5
Исландия	8,0	8,0	8,2	8,0	6,5	6,7	5,9
Испания	7,0	6,4	7,6	7,3	5,2	6,1	5,1
Нидерланды	7,8	7,4	7,8	7,6	5,3	6,2	5,2
Норвегия	8,1	8,1	8,2	8,1	5,6	5,9	5,8
Польша	7,1	7,6	7,3	7,3	6,0	6,7	5,5

	Удовлетворенность жизнью ¹		Уровень счастья ¹		Влияние иммиграции в национальных масштабах ²		
	местные жители	приезжие	местные жители	приезжие	на условия жизни	на культуру	на экономику
Португалия	5,9	6,2	6,4	6,6	3,8	4,9	4,3
Россия	5,8	5,9	6,2	6,5	3,2	3,6	3,8
Словакия	6,6	5,6	6,7	6,2	4,3	4,8	3,9
Словения	7,0	6,8	7,3	7,3	4,8	5,4	4,4
Финляндия	8,1	7,8	8,1	8,0	5,6	7,1	5,4
Чехия	6,6	6,0	6,6	6,3	4,2	4,2	4,0
Швейцария	8,3	7,8	8,2	7,8	5,2	5,9	6,0
Швеция	7,9	7,6	7,8	7,7	6,3	6,9	5,6
Эстония	6,3	5,4	6,9	6,3	4,8	5,6	4,9

¹ - Опрашиваемым были предложены следующие вопросы: “Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?” и “Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?”. При одиннадцатибальной шкале оценке 0 соответствовали ответы “очень несчастливы” и “совершенно не удовлетворены”, оценке 10 – “очень счастливы” и “полностью удовлетворены”.

² - В ходе опроса респондентам задавались следующие вопросы: “Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Вашу страну, в целом хорошо или плохо сказывается на ее экономике?”, “Приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру Вашей страны?”, “С притоком людей из других стран Ваша страна как место для жизни становится лучше или хуже?” Ответная шкала варьировалась от 0 до 10, где 0 означал крайнюю негативную оценку (“плохо для экономики”, “разрушает культуру нашей страны”, “становится хуже”, соответственно), а 10 – максимальную позитивную оценку (“хорошо для экономики”, “обогащает культуру нашей страны”, “становится лучше”). Приняв оценку в 5 баллов как нейтральную, считаем более низкие оценки негативными, а более высокие – позитивными.

Составлено по: European Social Survey database. <http://www.europeansocialsurvey.org>

Результаты Всемирного опроса Института Гэллапа 2009–2011 годов уточняют эту картину при сравнении мигрантов, переехавших в ЕС15 менее пяти лет назад, и мигрантов, переселившихся туда ранее, и обнаруживают, что менее благополучны первые (рис. 2).

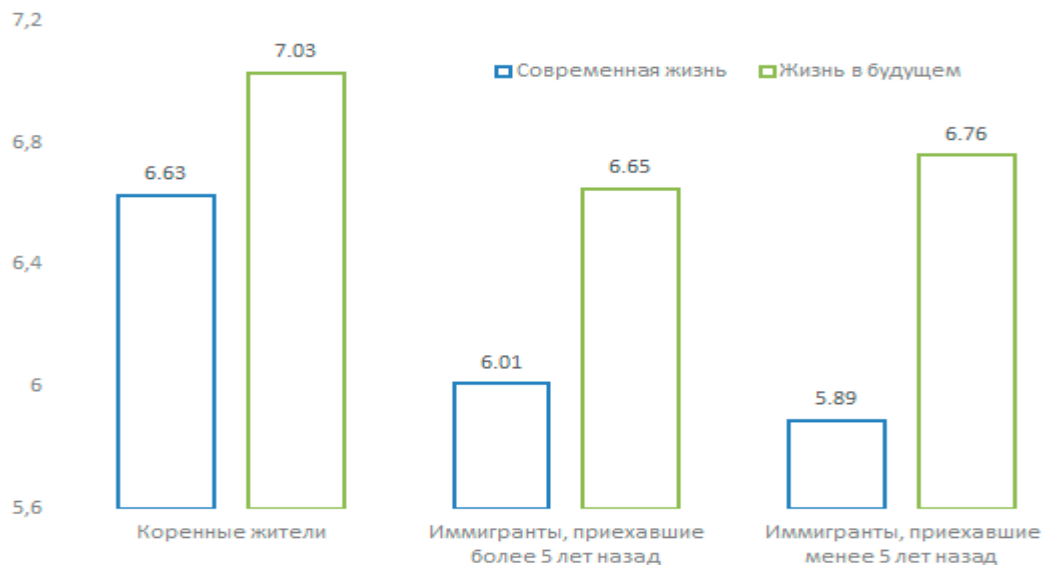

Рисунок 2. Оценка современной жизни и ее перспектив коренными жителями и мигрантами в ЕС-15 по шкале Кэнтрила (баллы от 0 до 10), 2009–2011 годы

Источник: Esipova N., Ray J., Pugliese A. Gallup World Poll: The Many Faces of Global Migration // IOM Migration Research Series. 2011. № 43. P. 58.

Приезжие, в первую очередь выходцы из южных стран, больше, чем местные жители, подвержены финансовым лишениям, сказывающимся в свою очередь в условиях жизни (рис. 3). Первые, кроме того, реже испытывают позитивные эмоции – радость и ощущение счастья, а чаще, напротив, – негативные чувства, в том числе беспокойство, стресс, гнев и печаль[53].

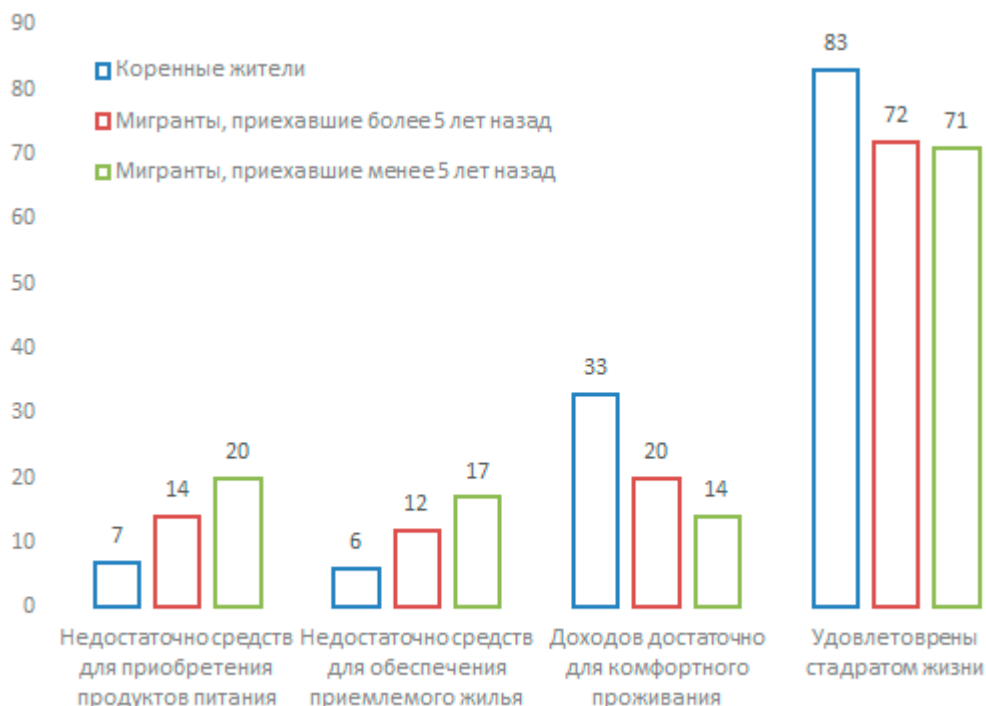

Рисунок 3. Самооценки материального благополучия коренными жителями и мигрантами в ЕС-15, 2009–2011 годы, % соответствующих категорий опрошенных

Источник: Esipova N., Ray J., Pugliese A. Gallup World Poll: The Many Faces of Global Migration // IOM Migration Research Series. 2011. № 43. P. 59.

Учитывая, что исследования, выявляющие позитивное влияние иммиграции на субъективное благополучие населения, были проведены до наступления миграционного кризиса, резонно предположить, что подобный эффект характерен преимущественно для регулируемых, легальных, обусловленных потребностями экономики потоков иностранного населения. В то же время, как свидетельствует целый ряд других исследований, важным фактором субъективного благополучия людей является их участие в благотворительной и волонтерской деятельности [54]. Согласно данным Французского института общественного мнения (IFOP) 2015 года, в условиях миграционного кризиса 19% жителей Испании, 18 – Дании, 13% – Германии жертвовали деньги организациям, помогающим мигрантам, а с учетом изъявивших готовность это сделать, указанные показатели достигали соответственно 42%, 36 и 32% соответственно. Кроме того 9% жителей Германии, 7 – Испании и 4% – Италии уделяли свое свободное время помощи мигрантам, а с учетом желающих это делать подобные индикаторы достигали 40%, 32 и 30% соответственно. Более того, 10% жителей Испании Италии предоставили свое жилье приезжим или намеривались это сделать [55]. Участие в подобных акциях местных жителей европейских стран в отношении особо нуждающихся мигрантов, а также готовность к нему могут в какой-то мере способствовать повышению удовлетворенности жизнью и нейтрализовать дестабилизирующие социально-экономические и социально-психологические последствия современного миграционного кризиса.

Выявленное С. Лонги негативное влияние иммиграции на субъективное благополучие населения связано с ее структурными характеристиками. Автор показывает на материале округов Великобритании, что в районах с большим разнообразием приезжих по странам происхождения и этнической принадлежности белые англичане демонстрируют несколько более низкий уровень

удовлетворенности жизнью, чем в кварталах с менее разнородным составом жителей (значимость на уровне 1%)^[56].

Подобная реакция подтверждается гораздо более широким распространением отрицательных эмоций, испытываемых европейцами в отношении иммиграции из третьих стран (56%) по сравнению с миграцией из стран ЕС (40%), зафиксированным Евробарометром в 2015 году^[57]. О том же свидетельствуют и данные опроса Института "Открытое общество" (ИОО) в 2010 году в европейских городах: в кварталах, отличающихся пестротой состава и особенно доминированием населения с иными географическими и этническими корнями, снижается доверие к людям, являющееся важным фактором субъективного благополучия^[58]. По мере происходящего роста инокультурных, в первую очередь мусульманских, общин может усиливаться негативное воздействие этого процесса на удовлетворенность жизнью местных жителей.

При этом именно мусульманский контингент мигрантов вызывает наибольшую обеспокоенность европейцев, особенно на фоне происходящей реисламизации некоторых слоёв мусульманских сообществ. Хотя радикальные группы мусульман в развитых регионах немногочисленны, они явно способствуют формированию негативного имиджа мусульман, которые ассоциируются с исламским экстремизмом. Подавляющая часть населения европейских стран видит в современном интенсивном притоке молодого мужского населения из исламских стран опасность роста террористической активности (рис. 4).

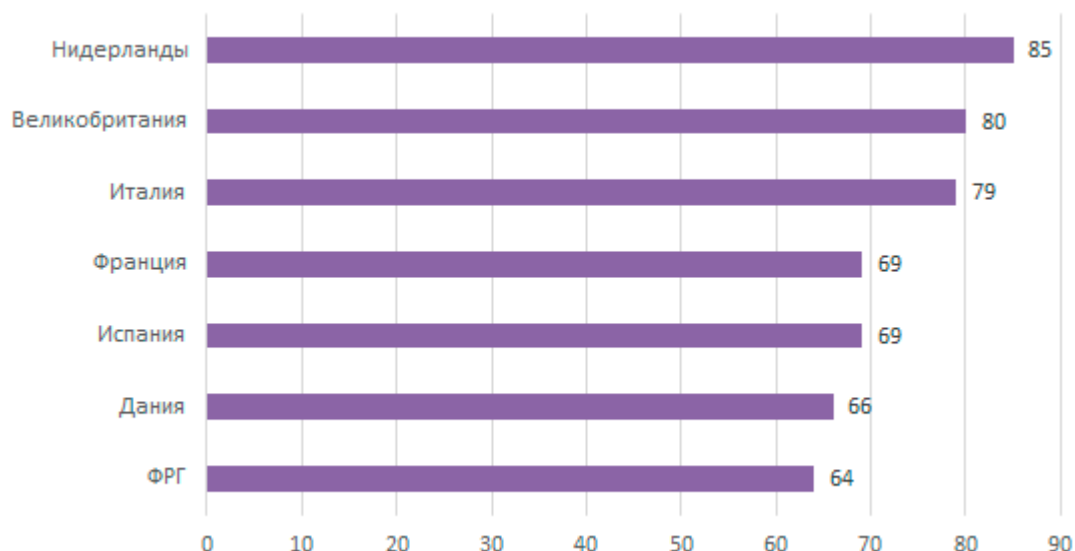

Рисунок 4. Доля респондентов, считающих, что среди приезжающих в Европу мигрантов находятся потенциальные террористы, 2015 год, %

Источник: Les Européens face a la crise des migrants. IFOP. Octobre 2015.

Как видно по результатам приведенных исследований, противоречивость объективных эффектов иммиграции сказывается в неоднозначности ее влияния на субъективное благополучие местного населения. Очевидно, что иноэтничный и особенно инокультурный компонент иммиграции, порождающий риски дезинтеграции и дестабилизации принимающего общества, снижает удовлетворённость жизнью местного населения. В то же время в сознании людей отражаются и объективные улучшения в их социально-экономическом положении, которые происходят под воздействием иммиграции, но которые население может напрямую и не связывать с ней. Как

показывают данные по Европе, полученные до наступления миграционного кризиса, положительное влияние общей численности иммигрантов и интенсивности их потоков на социальное самочувствие коренных жителей, вероятно, "поглощало" негативные последствия присутствия на континенте больших групп представителей иных цивилизаций.

При неоднозначности объективных эффектов иммиграции их восприятие местным населением также амбивалентно. Однако в отличие от преимущественно позитивного характера воздействия иммиграции на экономику и ряд социальных областей, в субъективных оценках этого воздействия, как правило, доминирует негативизм. Согласно опросу Германского фонда Маршалла (ГФМ), осуществлённому в 2013 году, население США и большинства обследованных государств ЕС было склонно считать иммиграцию, скорее, проблемой, чем ресурсом развития страны, и видеть в ней бремя для сферы социальных услуг[59]. А по данным ВЦИОМ 2013 года, 65% россиян связывали с иммиграцией рост преступности и коррупции, 56% – повышение конкуренции на рынке труда[60].

В то же время, по мнению подавляющей части опрошенных ГФМ, иммигранты обогащают культуру принимающих стран, содействуют заполнению пустующих вакансий, компенсируя нехватку рабочей силы, и благодаря предпринимательской деятельности создают дополнительные рабочие места[61]. В США, согласно данным Института Гэллапа, в 2015 году 73% населения (рекордный уровень с 2001 года) считали иммиграцию полезной для страны[62].

По мере развития миграционного кризиса в Европе, очевидно, усилится критичность отношения к иммиграции. Воздействие восприятия последствий иммиграции на субъективное благополучие жителей принимающих стран практически не изучено. Эта тема затрагивается лишь в работе российских исследователей Т.А. Рябиченко и Н.М. Лебедевой. Авторы интерпретируют отношение местного населения к иммиграции с позиций воспринимаемых угроз экономическому и культурному благополучию со стороны аутгрупп, к которым принадлежат приезжие. Они устанавливают прямую связь между характером восприятия общенациональных последствий иммиграции и субъективным благополучием граждан принимающих стран[63].

Более поздние данные (2012 год) ЕСИ по 29 странам также указывают на существование подобной связи. При этом воздействие мнения местного населения о национальных последствиях иммиграции на показатели его субъективного благополучия, будучи статистически значимым, достаточно слабо. Коэффициенты корреляции Пирсона варьируются от 0,18 до 0,21 при $p < 0,01$. Кроме того, в большинстве стран оценки последствий иммиграции позиционируются в интервале от 4 до 6 баллов по 11-балльной шкале, то есть тяготеют к нейтральности. Это значит, что степень негативизма в тех случаях, когда он присутствует, достаточно низка. Вероятно, воспринимаемые угрозы экономическому и культурному благополучию коренных жителей (о которых говорилось выше) не настолько сильны, чтобы ощутимо изменить социальное самочувствие последних (рис. 5). В этом отношении показателен пример России, где на фоне нараставшего до последнего времени негативизма в отношении мигрантов, по данным ВЦИОМ, показатели удовлетворенности жизнью россиян совершают лишь колебательные движения, демонстрируя при этом существенно более высокие значения, чем несколько лет назад. Если в ноябре 2009 года только 28% россиян устраивала их жизнь, то в ноябре 2015 года – 50, а не устраивала соответственно 24 и 22% (остальных отчасти устраивала, отчасти нет)[64].

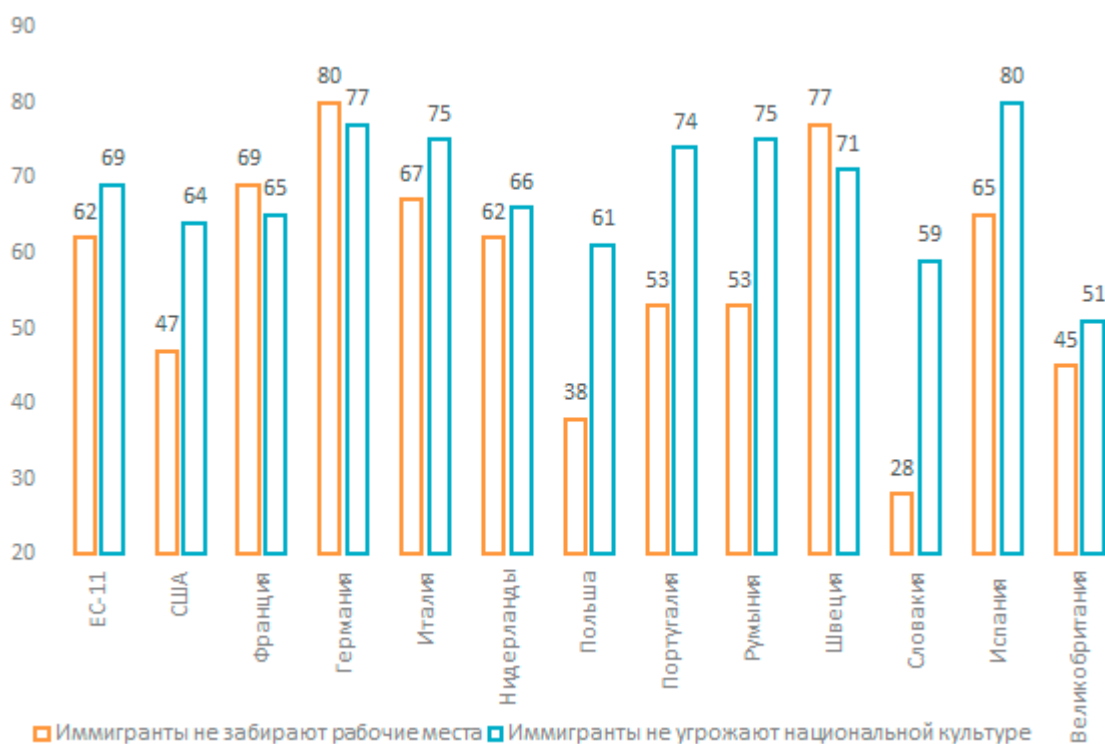

Рисунок 5. Доля респондентов, не согласных с утверждением, что иммигранты забирают у местных жителей рабочие места и создают угрозу национальной культуре, 2013 год, %

Источник: Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF, 2013. P. 64, 68.
<http://trends.gmfus.org/files/2013/09/TT-TOPLINE-DATA.pdf>

Ряд других обследований показывает, что восприятие последствий иммиграции на локальном и личном уровнях гораздо менее критично, чем на национальном уровне. Подобная закономерность или, по крайней мере, выраженная тенденция проявляется в результатах регулярных опросов Евробарометра. Согласно обследованию жителей стран ЕС в ноябре 2015 года, иммиграция, которой обычно отводилось 3-4 место в рейтинге наиболее значимых проблем Евросоюза, теперь стала самым важным вопросом для сообщества. Такое мнение разделяют 58% населения по сравнению со всего 16% двумя годами (рис. 6).

Рисунок 6. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для Евросоюза, ноябрь 2015 года, % респондентов

Источник: Standard Eurobarometer. 2015. No 84. P.13.

Аналогичным образом иммиграция превратилась из второстепенных национальных проблем стран ЕС (традиционно 5-7 место по значимости) в главную для этих государств. Подобной точки зрения придерживаются 36%, тогда как осенью 2013 года – всего 12% (рис. 7).

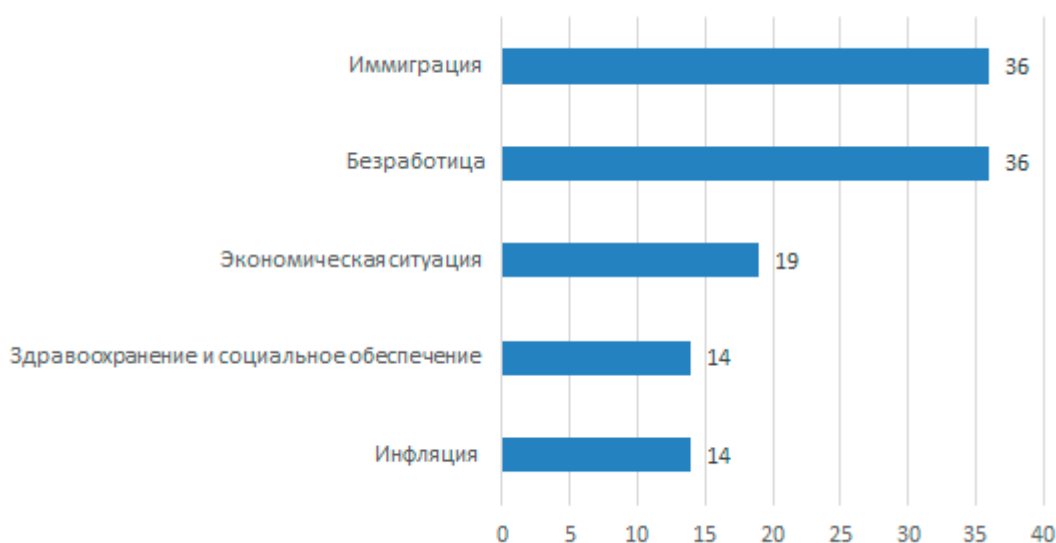

Рисунок 7. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для их стран, ноябрь 2015 года, % респондентов

Источник: Standard Eurobarometer. 2015. No 84. P. 16.

Хотя иммиграция впервые за много лет вошла в десятку наиболее важных проблем для личной жизни опрошенных, последние, однако, по-прежнему, не придают особо большого значения этому вопросу (рис. 8).

Рисунок 8. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для них лично, ноябрь 2015 года, % респондентов

Источник: Standard Eurobarometer. 2015. No 84. Tables of Results. T33-T37.

Несмотря на то, что среди местных жителей есть те, кто полагает, что из-за притока иностранцев снижаются их заработки и кто-либо из членов семьи потерял работу, налицо и благожелательные оценки микросоциальных последствий иммиграции. Так, согласно данным Евробарометра, для 78 из 83 обследованных в 2012 году европейских городов и их пригородов большинство жителей относятся к присутствию иностранцев позитивно [65]. И число таких городов заметно увеличилось по сравнению с 2009 годом. Восприятие присутствия иммигрантов в городах теснее коррелирует с удовлетворённостью жизнью их населения (0,492 при $p < 0,01$), чем восприятие национальных последствий иммиграции, что указывает на гораздо большее влияние первого, чем последнего, на субъективное благополучие. А интегральный характер данной в городах оценки даёт основание полагать, что в представлениях населения выгоды от иммиграции перевешивают её издержки, в том числе и социокультурные. По крайней мере, так, скорее всего, было до наступления миграционного кризиса.

Заметные расхождения в оценках последствий иммиграции на микросоциальном и макросоциальном уровнях и во влиянии этих оценок на субъективное благополучие можно объяснить следующим образом. Допустимо, что, оценивая последствия иммиграции для страны, люди выражают свою гражданскую позицию по этому вопросу. При этом они в большей степени склонны полагаться не на личностно обусловленные, а на какие-то внешние критерии, которые формируются под воздействием весьма отдалённых и искажённых представлений населения об иммиграции и её реальных последствиях на макроуровне при недостатке объективной информации о них.

Неадекватность восприятия иммиграции ярко подтверждается результатами опроса Германского фонда Маршалла 2013 году. Это обследование, в частности, выявило, что оценки доли иммигрантов в населении, данные респондентами (и сведенные в агрегированный показатель), разительно расходятся с официальной статистической информацией о ней: в США в 42,1 и 14,3%, в Португалии – 34,6 и 8,4, в Великобритании – 30,9 и 12,2% соответственно [66]. Не менее ярким индикатором искусственного конструирования негативного отношения к иммиграции является доля респондентов, считающих, что “в стране слишком много иммигрантов”. Установлено, что люди, не знакомые с официальной статистикой, гораздо чаще придерживаются подобного мнения, нежели те, кто располагает такими данными (рис. 9).

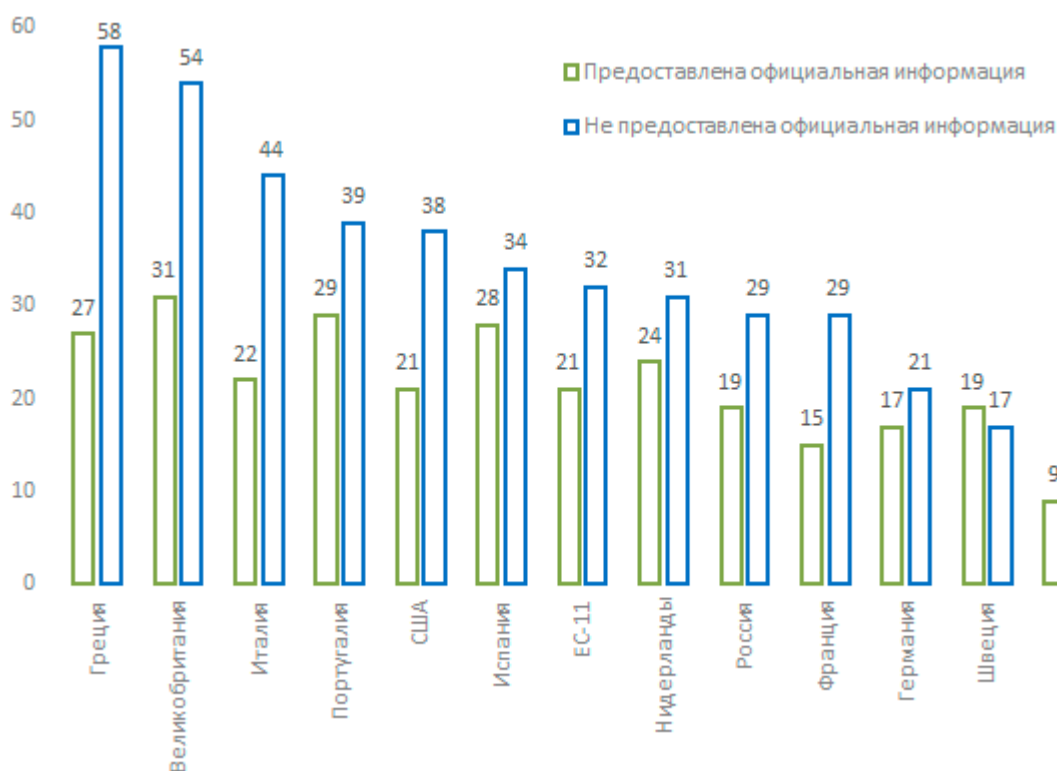

Рисунок 9. Доля лиц, считающих, что в стране слишком много иммигрантов, среди респондентов, которым была / не была предоставлена официальная информация о численности иммигрантов в стране, 2014 год, %

Источник: Transatlantic Trends. Topline Data 2014. GMF, 2014. P. 71–72.
http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_ToplineData.pdf

Кроме того, хотя людей волнуют происходящие в стране и в мире события, которые они рассматривают сквозь призму личной жизни, для их субъективного благополучия, как правило, гораздо важнее происходящее лично с ними и в их ближайшем социальном окружении. В то же время в силу “фаворитизма в отношении родного города” (когда люди склонны думать, что их жизнь именно в этом городе лучше, чем в среднем по стране) полученные позитивные оценки могут быть несколько завышенными.

Таким образом, для восприятия последствий иммиграции, особенно на национальном уровне, характерен очевидный крен в сторону негативизма. Подобное отношение к иммиграции явно расходится с ее реальным вкладом в повышение благополучия населения, представляя ее искаженное отражение в кривых зеркалах конструирования массового сознания.

Заключение

Большинство значимых экономических последствий иммиграции носит позитивный характер. Благотворный вклад иммиграции в народнохозяйственное развитие стран-реципиентов определяется её ролью в пополнении населения, обеспечении жизненно важных, в том числе неторгуемых, секторов рабочей силой, повышении гибкости и эффективности функционирования рынка труда, содействии росту инвестиционной и предпринимательской активности, стимулировании динамики и инновационного развития экономики принимающих государств. Такое воздействие свойственно регулируемым, легальным потокам иностранного населения, соответствующим потребностям экономики. Оно усиливается в условиях устойчивого повышения квалификационно-образовательного уровня приезжих.

Принося выигрыш экономике принимающих стран, иммиграция в долгосрочном плане способствует созданию новых рабочих мест и повышению доходов местных жителей. Происходящее, а также ожидаемое повышение уровня объективного благополучия представителей больших социальных групп в сопоставлении с тем, каким оно было прежде, и с теми, кто их окружает, в том числе иммигрантами, преломляется в субъективных показателях удовлетворенности жизнью и ощущения счастья.

В то же время в краткосрочном плане шоки предложения труда, вызываемые иммиграцией, и усиливающаяся конкуренция со стороны приезжих на рынке труда, а также в сфере социальных услуг и выплат повышают риски безработицы и снижения доходов, с которыми сталкиваются, в первую очередь, местные малоквалифицированные работники. Рост инокультурных сообществ создаёт серьёзные угрозы национальной идентичности и сложившемуся жизненному укладу в западных социумах, порождает риски эскалации террористической активности. Эти процессы вызывают растущую обеспокоенность местных жителей. В Европе действие подобных негативных тенденций, вероятно, будет усиливаться в условиях миграционного кризиса.

При недостатке публичности объективной информации о масштабах и эффектах иммиграции в принимающих обществах, усугубляемом спекуляциями СМИ на этом вопросе, иммиграция воспринимается в основном негативно. В первую очередь это касается ее общенациональных последствий. Такие настроения в обществе вносят лепту в ухудшение социального самочувствия его членов.

Кроме того искусственно формируемый негативный имидж иммиграции, используемый политиками для популистских электоральных маневров, способствует ужесточению иммиграционного курса и интеграционных мер. Это свою очередь чревато ухудшением перспектив экономического и социально-политического развития принимающих обществ.

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-07-00008.

[2] Цапенко Ирина Павловна, и.о. зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, д. экон. н.

[3] Trends in International Migrant Stock: The 2013 Revision.

<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimatestotal.shtml>

[4] Eurostat database. <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

[5] 35 million migrants heading to Europe, says Hungary as it builds second fence. Express. Sep 19, 2015. <http://www.express.co.uk/news/world/606211/35-MILLION-migrants-Europe-Hungary-builds-second-fence>

[6] International Migration Outlook: 2015 Edition. P., OECD, 2015. P. 12.

- [7] Среди мигрантов, прибывших в 2006-2011 гг. в Европу, 53% составляли лица 25-39 лет, в том числе 22% – лица 25-29 лет. (Matching Economic Migration with Labour Market Needs. P., OECD, 2014. P. 52).
- [8] Eurostat database. Op.cit.
- [9] Этому процессу благоприятствовало стремительное развитие учебной миграции, которая, будучи источником финансовых поступлений и востребованных кадров высокой квалификации, остаётся желательной для принимающих стран. Число иностранных студентов, обучающихся в странах ОЭСР, возросло за 2005-2012 гг. в 1,5 раза, достигнув 4,5 млн. (Education at a Glance 2015: OECD Indicators. P., OECD, 2015. P. 360).
- [10] Arslan C. et al. A New Profile of Migrants in the Aftermath of the Recent Economic Crisis. OECD Social, Employment and Migration Working Paper. 2014. № 160. P. 10
<http://dx.doi.org/10.1787/5jxt2t3nnjr5-en>
- [11] Eurostat database. Op.cit.
- [12] Arslan C. et al. A New Profile of Migrants. Op.cit. P.16-17.
- [13] International Migration Outlook: 2014 Edition. P., OECD, 2014. P. 60.
- [14] Eurostat database. Op.cit.
- [15] International Migration Outlook: 2014. Op.cit. P. 49.
- [16] За 2007-2012 годы совокупная доля иностранцев, принимаемых на постоянное место жительства в страны ОЭСР по каналам воссоединения семей, в качестве сопровождающих членов семей иностранных работников, а также лиц, получающих статус беженца или аналогичный ему, увеличилась с 47,9 до 51,3%. (Рассчитано по: International Migration Outlook: 2014. Op.cit. P. 22.).
- [17] Migration Policy Debates. OECD. 2015. №7. September. P. 8.
- [18] International Migration Outlook: 2014. Op.cit. P. 118.
- [19] Migration Policy Debates. OECD. 2015. №8. November. P. 1.
- [20] Population Facts. 2013. № 3. P. 2.
- [21] Faith on the Move: The Religious Affiliation of International Migrants. 2012.
<http://www.pewforum.org/files/2012/03/europe-fact-sheet.pdf>
- [22] The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050.
<http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050>.
- [23] Вайнштейн Г.И. Ислам в городском пространстве и в общественном сознании Европы // МЭиМО. 2013. № 6. P. 29-37.
- [24] Вайнштейн Г.И. Инокультурные идентичности и перспективы общественно-политического развития современного Запада // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т 2. /отв. ред. И.С. Семенов. С. 207-231.
- [25] В 2010-2011 годах не имели диплома об окончании полной средней школы 74% прибывших менее пяти лет назад в страны ОЭСР уроженцев Сомали, 62% – Марокко, 57% – Мексики. (Arslan C. et al. A New Profile of Migrants. Op.cit. P. 21.)
- [26] Eurostat database. Op.cit.
- [27] International Migration Outlook: 2014. Op.cit. P. 60.
- [28] Population and population change statistics. http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_and_population_change_statistics

- [29] О значимости иммиграции в обеспечении принимающих государств трудовыми ресурсами свидетельствует тот факт, что в нулевые годы она обеспечила 47% прироста рабочей силы в США и 70% в Европе. При этом на долю иммиграции приходился 21% прироста рабочей силы с образованием третьей ступени в США и 14% в Европе. (International Migration Outlook: 2012 Edition. P., OECD, 2012. P. 130, 132.)
- [30] Matching economic migration with labour market needs in Europe OECD. Policy Brief. September 2014. P. 6.
- [31] Так, за 2007–2009 годы в США занятость мигрантов в отраслях, производящих продукты питания, повысилась более чем на 16%, в сфере социального обслуживания – на 18%. В ЕС за 2008–2009 гг. она возросла в сфере коммунальных услуг почти на 24%, в сфере образования – на 7% , что было выше аналогичных показателей среди коренного населения. (International Migration Outlook: 2010 Edition. P., OECD, 2010. P. 112–113.)
- [32] Borjas G. Does Immigration Grease the Wheels of the Labor Market? // Brookings Papers on Economic Activity. 2001. № 1. P. 148.
- [33] Цит. по: Jaet H., Ragot L., Rajaonarison D. L’immigration: quels effets économiques // Revue d’économie politique. 2001. № 4. P. 581.
- [34] Bruner J. American Leadership in Science, Measured in Nobel Prizes [Infographic] 10/05/2011 <http://www.forbes.com/sites/jonbruner/2011/10/05/nobel-prizes-and-american-leadership-in-science-infographic/>
- [35] Science and Engineering Indicators 2014. <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/index.cfm/etc/tables.htm>
- [36] Florida R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. New York: Harper Business, 2005. <http://dir.salon.com/story/books/int/2005/04/21/florida/index2.html>
- [37] Borjas G. Immigration in High-Skill Labor Markets. The Impact of Foreign Students on the Earnings of Doctorates. <http://www.hks.harvard.edu/fs/gborjas/publications/journal/Freeman2009.pdf>
- [38] Hunt J. and Gauthier-Loiselle M. How Much Does Immigration Boost Innovation? NBER Working Paper No. 14312. September 2008. P. 22.
- [39] Peri G., Shih K., Sparber Ch. Foreign STEM workers and native wages and employment in U.S. cities. NBER Working Paper No 20093. 29 May 2014.
- [40] Docquier F., Ozden C., Peri G. The Labor Market Effects of Immigration and Emigration in OECD Countries // The Economic Journal. 2014. № 124 (579).
- [41] International Migration Outlook: 2012 Edition. P., OECD, 2012. P. 146–147.
- [42] Peri G. and Sparber C. Task Specialization, Immigration, and Wages. CREAM Discussion Paper. 2008. № 2. http://www.cream-migration.org/publ_uploads/CDP_02_08.pdf
- [43] Peri G and Sparber C. Highly-Educated Immigrants and Native Occupational Choice. CREAM Discussion Paper. 2011. No 13/08. http://www.cream-migration.org/publ_uploads/CDP_13_08.pdf
- [44] Giuntella O. Immigration and Job Disamenities. CESifo DICE Report. 2014. № 12 (2). P. 25. <http://www.cesifo-group.de/ifoHome/publications/docbase/details.html?docId=19116201>
- [45] International Migration Outlook: 2013 Edition. Op. cit. P. 155, 175.
- [46] Ibid.
- [47] Migration Policy Debates. OECD. 2015. № 8. November. P. 1-2.

- [48] Cortes P. The Effect of Low-Skilled Immigration on U.S. Prices: Evidence from CPI Data // Journal of Political Economy. 2008. № 3. P. 382.
- [49] Crowder K., Hall M, Tolnay S. Neighborhood Immigration and Native Out-migration // American Sociological Review. 2011. Vol. 76. №. 1.
- [50] Diener Ed. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being. Applied Research in Quality of Life. 2006. № 1. P. 151-152.
- [51] Akay A., Constant A., Giulletti C. The Impact of Immigration on the Well-Being of Natives. IZA Discussion Paper. 2012. № 6630. 47 p. <http://ftp.iza.org/dp6630.pdf>
- [52] Betz W., Simpson N. The Effects of International Migration on the Well-being of Native Populations in Europe. IZA Journal of Migration. 2013. № 12. P. 1-21.
- [53] В числе причин худшего социального самочувствия мигрантов – дискриминация, сложности адаптации к новой культурной среде, разобщенность с семьей, социальная изоляция и др. (см.: Safi M. Immigrants' Life Satisfaction in Europe: Between Assimilation and Discrimination. European Sociological Review. 2010. Vol. 26. P. 159-176). Важную роль играют и завышенные ожидания приезжих, которые нередко оборачиваются тем, что даже тогда, когда их доходы в принимающих странах становятся выше, чем на родине, и практически сравниваются с уровнем заработков местных работников, их удовлетворенность своим финансовым положением остается более низкой, чем коренных жителей. (см.: Bartram D. Economic Migration and Happiness: Comparing Immigrants' and Natives' Happiness Gains from Income. Social Indicators Research. 2011. №. 1031. P. 57-76.) Кроме того, связь между уровнем доходов и счастьем, обычно опосредующаяся улучшением статусных позиций, у мигрантов зачастую деформирована. У недавно приехавших иностранцев, особенно из бедных стран, благополучие, действительно, ассоциируется с доходами, но лишь до тех пор, пока неденежные факторы, значение которых повышается с увеличением срока пребывания в стране иммиграции, не становятся доминантными. Социальный статус приезжих, даже зарабатывающих больше, чем на родине, часто оказывается более низким, по сравнению с тем, что был в стране исхода. В особенности это касается людей с хорошим образованием, значительным профессиональным опытом и карьерными достижениями, которые не признаются и остаются нереализованными в стране поселения. Снижение статуса по сравнению с домиграционным, несмотря на рост доходов, негативно влияет на ощущение счастья.
- [54] Helliwell J., Layard R., Sachs J., eds. World Happiness Report. 2013. A Global Initiative for the UN, 2013. 153 p. Available at: http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2014/02/WorldHappinessReport2013_online.pdf;
Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. Москва, Институт психологии РАН, 2012. 426 с.
- [55] Les Europeens face a la crise des migrants. IFOP. Octobre 2015. P. 15.
- [56] Longhi S. Cultural Diversity and Subjective Well-being // IZA Journal of Migration. 2014. № 3.
- [57] Standard Eurobarometer. 2015. No 83. P.36.
- [58] Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities Open Society Institute. New York – London – Budapest, 2010. http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/docl_11433_888993300.pdf
- [59] Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF, 2013. <http://trends.gmfus.org/files/2013/09/TT-TOPLINE-DATA.pdf>

- [60] Иммиграция в Россию: благо или вред для страны?
<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>
- [61] Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF, 2013. <http://trends.gmfus.org/files/2013/09/TT-TOPLINE-DATA.pdf>
- [62] Immigration. Gallup Historical Trends. 2015. <http://www.gallup.com/poll/1660/immigration.aspx>
- [63] На материале России, Германии, Великобритании и Израиля, полученном из базы данных ЕСИ 2010 г. (Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения // *Общественные науки и современность*. 2014. № 2.).
- [64] Социальное самочувствие россиян: не время для оптимизма? Пресс-выпуск №2987.30.11.2015 . <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115489>
- [65] Таких респондентов насчитывалось, например, порядка 90% в Люксембурге, Кракове, Копенгагене, Стокгольме, Осло, Любляне (Словения), Бургасе (Болгария) и Клуж-Напоке (Румыния) (Flash Eurobarometer. 2013. № 366.)
- [66] Transatlantic Trends 2013. Op.cit. P. 73.